

МЕРЦАНИЕ ЧУДА

О рассказе А. Гурулёва «Ель»

В рассказе «Ель» тонкая мистическая атмосфера, хотя в нём нет ярко фантастического. Альберт Гурулёв в этом плане старается удержаться на полутонах. Главная героиня Настасья больна, но у неё «ничего не болит», причины недомогания неизвестны. К ней заходит плотник Петрован, предполагая, что ель, стоящая рядом с домом, высасывает из хозяйки силы, и срубает ель. Из его речи ясно, что руководствуется он народной приметой. Читатель, далекий от фольклорных традиций и народно-бытового язычества, может сразу превратиться в скептика. И текст как будто этому способствует: Настасья уходит в лес за новой елью, и её мгновенного выздоровления не происходит. Но рационального читателя триумф не ждёт. Неожиданно узнаем, что Настасья приобретает «чудесные» черты: «Но чудное дело: идет она, а трава под её шагами не мнется».

Последняя фраза сложна для интерпретации: невозможно до конца понять, что она значит. Возникает ощущение недосказанности. Оно-то и создает мистическую атмосферу. Можно только домыслить, какие звенья причинно-следственной цепочки привели к необычному финалу. Даже самый большой скептик подумает о толковании конца рассказа через призму сверхъестественного. Но, чтобы подвергнуть мысль отрицанию, нужно сначала эту мысль допустить.

Рассказ «Ель» раскрывает пласты мифологического мышления. Они актуализируются вследствие неуловимой, словно мерцающей мистики повествования. Можно лишь догадываться о том, что произошло с главной героиней. И вариантами предположений играть, если читатель склонен профанировать мистический смысл. Попытаюсь для себя понять, что скрывается за новым состоянием Настасьи.

Одно из самых возможных, на мой взгляд, толкований финальной сцены – пребывание Настасьи в потустороннем мире. Там, где она оказывается единой с природой, со значимым для неё пространством ельника: «идет она, а трава под её шагами не мнется». В самом деле, описание того, как голос Вали-фельдшерицы «плачет», что Настасье стало хуже, а затем резкий переход к гармоничному миру, где молодая Настасья оказывается в лесу, может указывать на то, что событие имеет два плана, что хозяйка дома умерла. В лесу находится её душа, которая в земной жизни

после сруба ели «будто потеряла что-то». Здесь же в лесу произошло воссоединение с её истинным домом, около которого продолжала всё так же стоять красавица ель.

Срубленная ель оказалась проводником из мира живых в мир мёртвых и как бы растворила все ненастоящее. Произошло высвобождение энергии из истощенных форм для нового. Смерть не убила, а возродила. Ничто не разрушается, все замещается, смещается и перемещается. И потому в рассказе показано воскрешение подлинной жизни человека.

ПОЛИНА КОЗЛОВА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

НА ГРАНИЦЕ ВРЕМЕНИ

О рассказе А. Гурулёва «Ель»

Рассказ Альберта Гурулёва «Ель» произвёл на меня особенное впечатление. Прежде всего, художественными образами. Центральный, вокруг которого строится повествование, – ель. Казалось бы, что может скрываться за обычным вечнозелёным деревом? С одной стороны, ель считается символом бессмертия души, с другой – дерево мёртвых. У финно-угорских народов ель – связующее звено между живыми и мёртвыми, прошлым и настоящим.

Для Настасьи ель – своеобразный мостик между нею и мужем. С Алексеем она нашла ель и посадила её возле дома. Ель становится якорем, который держит женщину в воспоминаниях, заставляя страдать (предположу, что именно из-за этого её болезнь). Мотив срубания дерева часто встречается в фольклоре. В колядках дерево срубают, чтобы мостить дорогу Новому году или даже для самого Христа. Гибель дерева становится в русском обряде продолжением жизни для тех, кто жил под его сенью. Как прощание со старой жизнью и начало новой.

Для Настасьи ель – своего рода прощание, прощание с прошлым. Непросто что-то отпустить, а отпустить дорогого человека ещё труднее. И потому в душе Настасьи остается пустота, будто она потеряла что-то. Срубание дерева убирает своеобразную границу мира живых и мёртвых, настоящего и прошлого. Женщина воссоединяется с мужем, возвращаясь в прошлое, умирает, если я правильно поняла.

В рассказе выделяется тема связи человека и природы. Природа не только вокруг человека, она в душе самой Настасьи. Через ель человек ощущает и познаёт себя, слушает свою болезнь.

В простой композиции скрыт глубокий смысл, не зря повествование выстраивается вокруг дерева. Только после нескольких прочтений

задаёшься вопросом, а почему рассказ именно про ель.

Писатель искренен и естественен, в его повествовании нет броских приёмов. Думаю, в этом прелесть рассказа. Одиночество и быт Настасьи передан знакомыми будничными образами. И сам сюжет произведения, словно изображение жизни в привычном ее ритме.

ИРИНА ЗАРУБИНА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

СОЗВУЧИЯ И СТОЛКНОВЕНИЯ

О рассказе А. Гурулёва «Ель»

Рассказ начинается с неожиданного ввода в ситуацию: Настасье «не может». И такое состояние у нее долгое время. И «где что болит» – простуда ли? Понятие болезни как родственное слову «боль» не отражено в тексте. «Вроде ничего не болит, а худо...» «Больной» значит «плохой, худой, старый, обиженный» – такие синонимы встречаются в тексте. Соблюдение приметы (сруб ели) не спасает Настасью, потому что ель – её жизнь, её прошлое, память, привычка, часть целого, – одежда её дома («Дом-то как голый»).

Болезнь звучит: Настасья «слушает свою болезнь». Возникает ощущение, что болезнь и жизнь неразрывны. Они не противопоставлены, а переплетаются. Звук, наполнявший округу в этот миг, – игра речки, шум ели, стук топоров бригады Петрована. Звучность мира в его потоке, движении, игривости, деятельности. Настасья не находит себя в этом движении: может, болезнь – это старость? А крайний дом, дом с краю, дом отдельный от деревни – метафора отчуждения?

Стиль автора фрагментарен. Часто встречающиеся парцелляции. Отсутствие перехода между эпизодами отражает ход больного сознания: резкость, отрывистость мыслей, отсутствие детализации.

Рассказ построен на противопоставлении «было – стало». Юность Настасьи и Алексея – болезнь Настасьи; изба Настасьи, поставленная ещё до войны, – новый сруб зуевскому зятю; холёная ель в оконной раме – «пустыня чисто». Строящийся дом и дети как намёк на продолжение жизни рядом с медленным её угасанием, весёлость и звучность деятельного Петрована («щёлкнул гулко по бурой шее») рядом с «лесным покоем» и молчанием Настасьи.

Один абзац начинается со слова «еле». «Еле приплелась домой»; «Еле» и «ель». Созвучие, возможно, случайное, но многозначительное: неторопливость жизни, покой, медлительность. И недостаток сил. И совместное житьё Настасьи и Алексея. Все это срубает не заточенный топор

Петровна в веселье, почти с песней.

Вертикальная связь избы с небом нарушается. «Острая вершина вздрагивала, потом качнулась, чиркнула по белым облакам, и ель плашмя рухнула в пыль дороги». Символ движения – горизонтальная прямая – вбирает в себя вертикальную. Связь с небом остаётся в прошлом, в пыли. Не зря, кажется, упомянута и война: ель, изба и жизнь Настасьи с Алексеем прошли через войну, через гибель и страдания, одно из тяжелейших и сильнейших духовных испытаний истории. И неспроста «тяжёлый трёхцветный кот» лежал на печке (Емеля), «пьяница», учуявший валерьянку (тут же пришедший «за стаканчиком» Петрован). Не метафора ли это России?

Мир сух и обезвожен («жухлая трава»): Настасья в своём болезненном состоянии постоянно пьёт воду. И ее, не такое, как у Петрована, понимание и ощущение жизни. Возникает столкновение – неявное, межстрочное – между сохранением и разрушением, старым и новым, памятью и грядущим.

ДАРЬЯ ЖЕЛВИС, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ

О рассказе А. Гурулёва «Ель»

Меня всегда поражала способность русского народа – в первую очередь это характерно именно для нас – наделять глубоким смыслом простые вещи. Мне приходилось сталкиваться с суевериями: кактусы на окне держать нельзя – мешают счастьем пройти в дом, фиалки на том же месте – к слезам. Теперь я познакомилась с еще одним – нельзя около дома растить ель, потому что она «высосет» из хозяев жизненную энергию: «ель сосет тебя», «у дома ель нельзя держать, примета такая».

Главной героине рассказа «Ель» Настасье «уж какой день неможется». Причину недуга определить не получается, да и сама больная не совсем понимает, что с ней: «вроде ничего не болит, а худо...» Все окружение по-своему пытается помочь женщине: фельдшерница Валя дает горькие порошки, Петрован выносит вердикт, «ель, видно».

Как и Настасья, читатель не понимает последствия такого совета. Да, ель. Красивая, хорошая ель. «Ель особенно славная: сытая, холеная. Новогодняя. Под мохнатыми раскрылками ели лесной покой». И привлекает внимание одна из характеристик, которую автор дает ели, – «новогодняя». Новый год не связан у русского человека с чем-то плохим. Новый год – обновление, новая жизнь, мечты о будущем, о том, как все само

собой устроится, когда число в календаре сменится на первое января. И ни у Настасьи, ни у читателя не возникает возражений, когда Петрован выносит приговор, что виновница ее недуга, главная «злодейка» – ель.

А она в какой-то мере «злодейкой» все-таки является. Но только не жизненную энергию высасывает из хозяйки, а заставляет ее жить прошлым, оставаться в нем.

Мы понимаем, что для женщины дерево у ее дома – не просто ель. Настасья привезла ее когда-то вместе с мужем, который, как она говорит, сейчас уехал. И читатель не видит в словах «сухари в зимовьюшку повез» ничего необычного. После срубания ели у Настасьи появляется желание непременно найти такую же, какую они привезли с Алексеем в молодости. И она, измученная недугом, ищет, пока не оставляют силы. На помощь приходит Алексей «в мягких ичихах, красной рубашке, молодой и улыбочивый». И становится понятно, куда он «уехал». Не на зимовку.

Что-то произошло с Алексеем, он умер. И ель у дома осталась символом семейной любви. В какой-то мере, наверное, она удерживала связь мужа с женой. Но Петрован срубил ель. И Настасья не воспротивилась этому. Возможно, думала, что сможет жить без нее...

Без ели дом стал «как голый, пустыня чисто». Связь с Алексеем разорвана. И Настасья понимает, что одна не сможет жить дальше. И уходит к мужу. Они снова молодые, выбирают ель, а трава под их шагами не мнется.

Петрован прав, наверно, в том, что причина недуга старой женщины – ель. Только не в приметах дело. Дело в том, что отпускать близкого человека легко на словах. Не все могут отпустить. Остаются жить прошлым, пока не получают возможность воссоединиться с дорогим сердцу человеком.

Одно можно сказать точно: ель вышла «злодейкой» весьма неоднозначной. Ведь благодаря ей прежде и теперь Настасья была счастлива.

ДАРЬЯ ГУЩИНА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

ЩЕМЯЩЕЕ ЧУВСТВО ПУСТОТЫ

О рассказе А. Гурулёва «Ель»

Рассказ «Ель» – небольшое по объёму произведение, пронизанное ощущением трагизма жизни. Только к концу повествования оно переходит в надежду на восстановление души человека, несколько идущее вразрез с тем, что главная героиня умирает.

Писатель изображает Настасью, которой не становится ни хуже,

ни лучше. Умирает старая женщина после того, как срубают ель, – «особенно славную: сытую, холёную. Новогоднюю», живущую у неё во дворе, привезённую некогда ею и мужем Алексеем. Со срубом ели Настасья теряет душевный покой. Героиня ощущает неразрывную связь с деревом, которое является главным элементом её дома, оплотом, укреплением. Женщина идёт в сторону Тёплого ключа – туда, где растёт ельник. «Ничего, – шепчет Настёна. – Ещё лучше посадим ёлку. На Тёплом их пропасть...» И не теряет надежды на избавление от щемящего чувства пустоты, которое возникает после того, как срубили дерево. Но такой ели не находит. Исключительность и уникальность статной ели выделено автором: «Нет ни у кого такой ели».

Ель – опора Настасьи. И после потери ее ничего не держит старую женщину на земле. Мужа Алексея нет в живых, о детях Настасьи мы ничего не знаем. Отправляясь в ельник в поисках другого дерева, женщина оборачивается и смотрит на свой дом. «Дом ей кажется больным, старым, обиженным». Он так же болен, как и Настасья. Утрата ели возле дома разрушает ту живую гармонию, которая поддерживало всё окружающее пространство хозяйки дома. Ель – часть ее жизненного пространства, она и питала его своей энергией.

Читатель понимает, что Настасья не собирается умирать. После попытки в первый день найти ель женщина решает отправиться в ельник на следующий. Но ночью умирает и оказывается рядом с мужем. «Настасья снова в лесу. Ель выбирает. Вместе с Алексеем. Алексей в мягких ичигах, красной рубашке, молодой и улыбчивый. Настасья тоже молода. Но чудное дело: идет она, а трава под ее шагами не мнется». Молодость и улыбчивость, и то, что трава под ногами Настасьи не мнется, говорят о том, что героиня находится не в реальности, а в пограничном с жизнью состоянии.

Воссоединение Настасьи с мужем, лёгкость того пространства, которым грезит или в котором она находится, оставляют невесомое ощущение грусти и слабую радость от того, что теперь старая женщина свободна от своей болезни.

АСЛАН БАБАЕВ, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

КРУЖЕНИЕ ЖИЗНИ

О рассказе А. Гурулёва «Ель»

Медленно тянется жизнь человека. Кончилось детство, и, кажется, ты всё тот же. Только мир почему-то другой и не способен больше тебя

удивить. Всё меньше остаётся границ, всё больше обязанностей. Появляется ощущение, что ты вошёл в повторяющийся цикл. Подъём, работа, еда, работа, сон и опять – подъём, работа, еда, работа, сон... Дни сливаются в непрерывную череду повторений.

Жизнь подобна прыжкам через скакалку. Сначала выходит так-сяк: спотыкаешься, не можешь поймать такт, просишь раскручивать медленно-медленно. А потом вдруг понимаешь, что без труда выбираешь момент для прыжка, предугадываешь, когда красный – весь в узлах-колтунах – жгутик коснётся земли. Скакалка кружится быстро. Не кружится – летит! И жизнь летит. И, кажется, ты уже научился жить. Когда надо – прыгаешь, когда надо – падаешь, несёшься вперед – быстрее и быстрее. Не спотыкаешься, не сбиваешься с монотонного ритма повседневности. И ведёшь себя так, будто нет конца канители под названием «жизнь». Не замечаешь – пролетают годы, десятилетия. Не замечаешь, как подходит твой час.

Так и Настасья. За жизненной круговертью, за великой тягой повседневности не заметила конца. Но, возможно, заметив, не посчитала нужным менять привычный ритм. Ходила в лес, искала новенькое еловое деревце на смену срубленному. И думала о том, что найдёт его не хуже прежнего. Лучше того, что привёз в молодости Алексей. И будет она, Настасья, любоваться елью, слушать, как ветер поигрывает её хвойными ветвями.

А старая ель? Красивая была. Ни у кого не было такой. До войны привезли. Росла тихонько, радуя хозяев статью, бархатными иголочками. Буднично в один день её лишают жизни. Вслед за ней уходит и Настасья. Посреди царствующей повседневности. Готовят напротив площадку для новой избы зувеского зятя. Заглядывает со стройки Петрован. Повёз на зимовьюшку сухари Алексей. Заезжает с новыми порошками фельдшерица Валя. Все занимаются своими делами, повинуюсь мерному ритму жизни – прыгают через скакалку.

И, кажется, вечно так будешь двигаться в унисон с миром.

Но в какой-то момент замедляешься. Мир летит дальше. Ты всё оглядываешься и оглядываешься на пережитое, прислушиваешься к речке, к ветру, к ели... А ели больше нет! Потому что молчаливым согласием в наплыве равнодушия ты позволил ее срубить... И кружение жизни уже рядом – оно не для тебя.